

ТАЙНА НАРОДА БОЖЬЕГО: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ НА КНИГУ ОТКРОВЕНИЕ. Ярослав Вязовский, Андрей Павлючик, Сергей Удальев. Минск: Полиграфкомбинат им. Я.Коласа, 2019. – 352 стр. ISBN 978-985-7101-47-4; 400.00 UAH *

DOI: 10.29357/2521-179X.2020.24.12

Появление комментария на книгу Откровения, написанного национальными авторами, является знаковым событием в истории развития богословия на постсоветском пространстве. Информация на обложке книги указывает на то, что перед нами интертекстуальный комментарий на книгу Откровение. Но это издание включает как собственно «Комментарий на книгу Откровение», так и два дополнительных раздела – «Как читать Апокалипсис» и «Богословие народа Божьего». В книге также есть Предисловие и Библиография. Обложка создает впечатление, что над комментарием трудились три автора, однако, данное впечатление – ошибочно. Я. Вязовский – автор комментария на Апокалипсис, А. Павлючик написал второй раздел – «Как читать Апокалипсис», а С. Удальев работал над заключительной частью – «Богословие народа Божьего в книге Откровение».

Основной объем издания занимает комментарий на книгу Откровение. Я. Вязовский сразу же раскрывает читателю свою герменевтическую перспективу на Апокалипсис Иоанна. Заявленный «интертекстуальный подход», по мнению автора, является альтернативным взглядом буквальной интерпретации, которая, в свою очередь, строится на сопоставлении текста Откровения с историческими событиями (5). Соответственно, автор полностью отказывается от этой идеи и следует своему решению в ходе всего комментария. Подход Я.Вязовского определяет точка зрения, согласно которой книга Откровения содержит интертекстуальные связи с текстами Ветхого Завета. Автор пишет: «Главным ключом к пониманию Откровения для нас будет служить Ветхий Завет» (13). С этим тезисом сложно поспорить, учитывая множество аллюзий на Ветхий Завет, которые содержатся в Апокалипсисе. Действительно, сегодня сложно отрицать тот факт, что автор Апокалипсиса был хорошо знаком с текстами, которые сегодня составляют ветхозаветный канон. Однако мы должны задаться вопросом о том, насколько целостным является герменевтическое решение автора даже с учетом выбранного интертекстуального подхода? Можем ли мы сегодня с полной уверенностью сказать о том, что интертекстуальные связи Апокалипсиса прослеживаются только с текстами Ветхого Завета? Есть ли интертекстуальные связи с текстами иудейской апокалиптической традиции, которые не являются частью библейского канона? С текстами / сюжетами, которые были широко известны в греко-римской культуре Малой Азии в конце I-ого века? Но даже если ограничиться каноническими

* Статья поступила в редакцию 26.02.2020; утверждена в печать 11.04.2020.

текстами, то необходимо уточнить, с каким именно текстом Ветхого Завета был знаком автор Апокалипсиса и его первые читатели? Было бы хорошо увидеть в комментарии пояснения автора по таким существенным вопросам. Важно также отметить, что Я. Вязовский не остается в рамках заявленного интертекстуального подхода. Уже в Прологе к комментарию употребляется выражение «культурный код». Ключ к этому коду Я. Вязовский предлагает искать только в текстах Ветхого Завета. Но как быть с языческим этосом, к которому принадлежали члены семи ассирийских церквей?¹ Даже если семь церквей Апокалипсиса состояли из тех людей, которые были знакомы с текстами Ветхого Завета, понимание «культурного года» требует: (а) выхода за сугубо интертекстуальную герменевтику; (б) знакомства с культурно-историческим фоном Апокалипсиса Иоанна. Стоит отметить, что именно это и делает автор. Уже на стр. 45 Я. Вязовский обращается к одному из основных вызовов для семи церквей Апокалипсиса – культу римского императора, а также к важному раннехристианскому произведению «Мученичество Поликарпа». В ходе дальнейшей работы с текстом автор неоднократно обращается к историческому фону Откровения. С точки зрения рецензента, такие отступления от заявленной методологии оправдано для достижения поставленной задачи – интерпретации символизма книги Откровения. Несколько раз автор говорит о «духовном значении текста». Например, на стр. 110 мы читаем: «Здесь речь идет не о буквальном затмении солнца и луны ..., а о духовной темноте и слепоте, которая охватит множество людей». Во-первых, не вполне понятно, почему именно о духовной слепоте здесь идет речь? Каковы основания для такого утверждения? Во-вторых, необходимо прояснить, насколько тождественны «духовное значение» и «значение символа» в этом комментарии.

Касательно структуры Апокалипсиса автор отмечает ее сложную композицию. Я. Вязовский пишет: «Печати и трубы – это одни и те же события с разных точек зрения» (106). К этому утверждению возникает несколько вопросов. Во-первых, такое сходство действительно присутствует в книге, но наиболее яркие параллели встречаются между судами труб и чаш, где практически дословно совпадают объекты, на которые направлены суды Бога². Во-вторых, между ними есть важное отличие – это указание на то, что при судах печати суду подвергается 1/4 часть творения³, при всех судах труб гибнет 1/3 часть, а при судах чаш никакого числа нет, что предполагает полное уничтожение. Можно ли при такой композиционно-содержательной особенности продолжать отстаивать тезис о том, что в судах печатей, труб и чаш описываются одни и те же события с разных перспектив? Если да,

¹ Я. Вязовский утверждает: «Ветхий Завет в такой мере определял культурный код евреев первого века, что даже отрывочное упоминание какого-либо ветхозаветного текста вызывало немедленную ассоциацию с этим текстом» (16). Но можем ли мы с уверенностью сказать, что члены семи ассирийских церквей были евреями? На территории этого региона в I-ом веке действительно находились синагоги, что свидетельствует о присутствии еврейской диаспоры. Мог ли в таких церквях столь остро встать вопрос об употреблении идоложертвенной пищи? Впрочем, здесь открывается горизонт для отдельного исследования.

² Эту существенную деталь автор отмечает на стр. 147. О пишет: «Кроме того, трубы и чаши композиционно параллельны друг другу, что доказывает их тождественность».

³ Всаднику «смерть» дана власть над 1/4 частью земли.

то каковы будут наши объяснения? Или же здесь речь идет об «усугублении ситуации», создании напряженности, которая ведет к кульминации и т.д.?

Я. Вязовский в комментарии ссылается на некоторые ключевые для академического мира исследования по книге Откровение: Р.Бокэм [R. Vauckham], *Теология книги Откровение*, Г.Бил [G. Beale], *Книга Откровение: комментарий на греческий текст*. Но в сноске на стр. 28 встречается очень важное утверждение, которое влияет на восприятие всего комментария: «В начале комментария я дал несколько ссылок ..., чтобы показать мои основные источники. Весь последующий комментарий также опирается на эти и некоторые другие исследования. Но чтобы не отягощать книгу ... я решил их в дальнейшем не давать. Впрочем, читатель должен иметь в виду, что исследования, в первую очередь Григория Била и Ричарда Бокэма, постоянно присутствуют в данном комментарии». С одной стороны, честность автора необходимо только приветствовать. С другой стороны, мы не можем не отметить зависимость комментария от этих источников и невозможность идентифицировать встречающиеся в тексте идеи с их автором. Такое утверждение выводит комментарий из академического оборота. Впрочем, согласно аннотации, комментарий предназначен для широкого круга читателей.

Безусловно, положительной стороной комментария является обращение автора к древнегреческому тексту, а также текстологическим разночтениям, которые присутствуют в тексте Апокалипсиса⁴. Автор дает объяснение нюансам древнегреческого языка в доступной для неподготовленного читателя форме.

Одним из существенных недостатков комментария является его стилистика. На смену академическому языку с аргументацией, объяснением понятий неоднократно приходит разговорно-гомилетический стиль. Примерами могут быть следующие выражения: «Нет сомнений, что Иоанн отсылает нас к Пс. 88» (25), «Лаодикия перепутала Божий дар с яичницей» (75), «Не понять замысел Иоанна просто невозможно» (103), «Вахтер — самый главный человек в здании. [...] Иоанн — вахтер, мы — вахтеры» (117). В некоторых местах автор категоричен в суждениях по тем вопросам, которые являются дискуссионными в научном диалоге. Например, толкование глагола *porneousai*: ««Любодействовать» надо понимать не буквально, как сексуальный грех, а символически: проявлять неверность ко Христу» (48); ««Престол сатаны» (2:13) — это трон римского правителя города» (с0).

Второй раздел издания «Как читать Апокалипсис?» состоит из трех частей: «Как читали Апокалипсис», где освещается история интерпретации книги Откровение, «Как читают Апокалипсис», в котором автор представляет и дает оценку существующим подходам к толкованию книги, и третья часть «Как правильно читать Апокалипсис», где автор предлагает собственную герменевтическую парадигму толкования Откровения. Нужно отметить, что наличие такого раздела является очень важным для постсоветского теологического образования. Оно прекрасно дополняет несколько доступных работ по данной тематике⁵ и знакомит читателя с позицией автора по этому вопросу. Автор открывает этот раздел рассмотрением

⁴ Текстологические разночтения, которые отмечает автор встречаются на стр. 30, 32, 90, 111, 127 и др.

⁵ Основные источники по вопросу представлены авторами в разделе «Библиография».

трех трудов Мужей апостольских – Дидахе, Послание псевдо-Варнавы, Пастырь Ерма. Однако, важно подчеркнуть, что у нас нет твердых оснований, чтобы утверждать, будто авторы этих трудов находились под влиянием Апокалипсиса Иоанна. А. Павлючик приводит общую информацию об особенностях содержания этих источников. Но при этом у читателя возникает вопрос: каким образом эти труды относятся к вопросу истории толкования Апокалипсиса Иоанна? А. Павлючик рассматривает эти труды в перспективе проблемы «хилиазма» и «экклезиологии» Апокалипсиса, но при этом совершается переход от «истории толкования Апокалипсиса» к «истории богословия». Здесь же возникает вопрос о том, почему не рассмотрен Апокалипсис Петра, который является одним из наиболее заметных текстов раннехристианской апокалиптической литературы? Во второй части этого раздела А. Павлючик не просто представляет четыре основных подхода к толкованию Апокалипсиса, но и прекрасно представляет историю возникновения данных герменевтических школ. С помощью примеров толкования отрывка Откр. 11:1-13 автор наглядно и доходчиво демонстрирует, как работают эти герменевтические подходы на практике. Нельзя не отметить, что в третьей части «Как правильно читать Апокалипсис» автор демонстрирует позицию «смирения» и уточняет, что в этой части он не представляет «единственно верный» подход к толкованию, но предлагает «определенное направление» в прочтении книги (274). А. Павлючик начинает с того, что констатирует жанровое многообразие Откровения и указывает, что такая литературная особенность текста требует «особого подхода к ее чтению ...», который заключается в том, что усердному исследователю необходимо учитывать литургический контекст, интертекстуальный характер, символический язык и экклезиологическое послание Откровения (277). Основная идея литургического ключа – это необходимость восприятия Апокалипсиса как книгу церкви, собранной на литургии (281). Не вполне ясно, как этот принцип должен быть реализован на практике толкования? Обуславливает ли он, например, недопустимость индивидуального прочтения /прослушивания книги вне литургического контекста? При каких условиях собрание верующих можно считать литургией с учетом выдвижения данного принципа для толкования книги, адресованной христианам конца I-ого века? Возможно, чтобы избежать путаницы, более подходящим понятием могло бы быть «собрание». Если «литургия», по мнению автора, является одним из ключей для толкования, необходимо раскрыть то содержание, которое в это понятие вкладывает автор. При рассмотрении второго ключа А. Павлючик делает очень важное замечание: «В Апокалипсисе мы сталкиваемся с реинтерпретацией текстов Ветхого Завета, только эта реинтерпретация при близком рассмотрении оказывается не грамматической, а богословской». С таким тезисом сложно не согласиться. Но вопросы возникают к следующему утверждению автора: «... первые читатели книги Откровение знали Ветхий Завет и понимали многие отсылки к нему. Можно сказать даже жестче: первые читатели знали ветхозаветные тексты гораздо лучше современных» (287-288). Это высказывание, по своей сути, является гипотезой, которая не доказана и является очень спорной. Во-первых, мы не можем с полной уверенностью говорить о том, насколько хорошо члены семи церковью знали Ветхий Завет. Автор Откровения, судя по всему, был хорошо

знаком с Ветхим Заветом. Чтобы сослаться на какие-либо источники и осуществлять их богословское переосмысление их необходимо знать. Это требует соответствующей компетенции от автора, но не обязательно — от адресата. Во-вторых, как и в случае с комментарием, представленным в первом разделе книги, вновь возникает вопрос: из каких людей, преимущественно, состояли эти общины — обращенных из иудеев или язычников? Третий ключ к толкованию автор определил как «символический язык Откровения». Эта особенность Откровения служит основанием для множества дискуссий и мнений, но фундаментальный вопрос связан не с наличием символизма в Апокалипсисе, а с тем, по какому принципу классифицируются символическое и буквальное значение? А. Павлючик также отмечает: «Такие понятия, как небо, земля, море ..., используется в Откровении в реальном значении и символическом. Когда осуществляется переход от реального значения к символическому, это называется процессом символизации ...» и далее: «... иногда описание животных реалистично, но в большинстве случаев они имеют символическое значение» (291). Важным горизонтом развития этой темы как раз и может служить вопрос о том, по какому правилу мы можем демаркировать символизм в Апокалипсисе Иоанна? Четвертый ключ к толкованию — это восприятие книги, как экклезиологического послания. Здесь автор предлагает принять как предпосылку интерпретации тему церкви, как одну из основных для всей книги. Именно с перспективы темы церкви, по мнению автора, должны быть истолкованы такие символы как «144000 искупленных», «два свидетеля», «жена, облеченная в солнце». В целом, предложенные автором принципы делают для читателя понятным направление, которое предлагает автор. Кроме этих четырех ключей А. Павлючик «между строк» упоминает о необходимости обращать внимание на исторический контекст, в котором находились первые получатели Откровения, т.к. только так можно верно интерпретировать символы книги. Возможно, данную идею стоило выделить как «отдельный ключ» и подчеркнуть ее важность для методологически выверенного применения представленных «четырёх ключей».

Третий раздел «Богословие народа Божьего» по своей сути является представлением одной из ключевых тем книги Откровения. Из текста не вполне ясно, почему именно этот вопрос автор решил рассмотреть в своей работе. Однако стоит признать, что для современной евангельской церкви «иудейский вопрос» является серьезным вызовом. Некоторые церкви увлекаются иудейскими традициями, что приводит к серьезным последствиям — отрицанию догмата Троицы, появлению доктрины об «особом пути спасения Израиля минуя жертву Иисуса Христа», соблюдение христианами пищевых запретов и т.д. Поэтому появление подобного труда совпадает с вызовами времени. С. Удальев рассматривает все ключевые тексты Апокалипсиса Иоанна, которые помогают ответить на вопрос — кто сегодня является народом Бога и по какому принципу этот народ формируется? Позиция автора четко прослеживается и может быть представлена следующим образом: «Израиль не выполнил свою миссию, а потому Бог провозгласил Свой суд на отступившим от завета Израилем» (312); «...Израиль все же исполнил свою миссию. Он сделал это через Иисуса Христа» (313); «Иисус, как истинный Израиль, сделал истинным Израилем и нас — уверовавших в Него» (с. 315); «Цер-

ковь Иисуса Христа является Израилем Божиим – таков посыл книги «Откровение» (319); «Израиль Божий – это искупленные Христом люди из всех племен и народов» (323). Тем не менее, «новый Израиль» должен бодрствовать, чтобы так же, как и первый Израиль, не попасть под суд Бога. Данный раздел книги можно рекомендовать тем, кто сегодня сталкивается с вызовом «иудейского вопроса» и «движением возвращения к иудейским корням». Работа является вкладом в существующую дискуссию.

Раздел «Библиография» разбит на части, в которых представлены подборки источников по следующим темам: Источники; Комментарии на иностранных языках; Комментарии на русском языке, которые, в свою очередь, подразделяются на православные, католические и протестантские, а также Сборники и серии. Есть отдельный раздел по вопросам Введения в книгу Откровения, а также Исследовательская литература; Статьи, доклады, рецензии и в завершении библиографии два раздела по библейскому и систематическому богословию. Наличие Библиографии в книге формирует у читателя представление о положении дел в области изучения Апокалипсиса Иоанна и это особенно важно с учетом наличия книг, статей и изданий, появившихся в постсоветском контексте. После знакомства с разделом «Библиография» возникает несколько вопросов: (1) кто является её составителем? (2) в чём её предназначение в задумке всего издания? (3) по какому принципу она формировалась, ведь сегодня в мире известно множество трудов, посвященных изучению книги Откровение. Подтверждением тому может быть издание аннотированной библиографии, подготовленной С.Е. Поттером и А.К. Габриэлем⁶.

В заключении стоит отметить, что появление этого издания стало заметным событием для всех, кто интересуется изучением Апокалипсиса Иоанна на постсоветском пространстве. Оно приоткрывает русскоязычному читателю некоторые важные достижения зарубежной школы в изучении Откровения. Все разделы книги написаны «в духе» реформаторской богословской традиции, но предложенная перспектива на текст Апокалипсиса и его богословские темы могут быть интересны и более широкому кругу читателей.

Александр Беляев
Санкт-Петербургский христианский университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3347-3432

⁶ Stanley E. Porter and Andrew K. Gabriel, *Johannine Writings and Apocalyptic: An Annotated Bibliography*, *Johannine Studies*, VOLUME 1 (Leiden; Boston: Brill, 2013).